

литературной политики, которую он занял в 50-е годы. Близкий Белинскому и Герцену в 40-е годы, первый слушатель и читатель письма Белинского к Гоголю и, быть может, первый его дружественный критик (он сам именовал себя «нравственным участником» его), Анненков оказался в числе тех представителей либеральной буржуазии и либерального дворянства, которые после 1848 г., напуганные призраком «рабочей революции», вычеркивали себя из революционной борьбы и соответственно этому начали пересмотр своих философских и эстетических позиций. Характерным памятником отхода Анненкова от круга Белинского и Герцена служит сохранившийся набросок его воспоминаний, озаглавленный «Две зимы в провинции и в деревне»²⁶. Они отчетливо доносят до нас те настроения, во власти которых находился Анненков после недавних событий 1848 г. Он иронически говорит о декабристах, негодуя на Герцена, который книгой о развитии революционных идей в России будто бы поставил под удар своих друзей, находившихся в России; наиболее же сильное негодование вызывали в нем воззрения Герцена на русский народ как носителя идей «революционерства, социализма и коммунизма».

Новые общественные настроения Анненкова сказались и на его отношении к «Запискам охотника». Еще в обзоре русской литературы за 1848 г. Анненков принимал оценку Белинского²⁷, но уже через 10 лет, в статье «Наше общество в «Дворянском гнезде», он по-иному подходил к этому произведению. И хотя он попрежнему признавал глубокий замысел «Записок охотника» и отдельные «сильно выработанные картины и положения», в целом они представлялись теперь ему «поэтическими анекдотами», не способными уловить «все богатство русского духа и русской поэзии»²⁸. Вполне понятно, что ему оказалось чуждым идейное содержание «Певцов», сложившихся под непосредственным влиянием круга Белинского и Герцена.

Не были вполне приняты «Певцы» и в славянофильской среде. Ив. Аксаков относил их, правда, к числу лучших произведений Тургенева, но считал, что они неравноценны в отдельных частях: «Можно было бы обойтись без последней сцены пьяных в кабаке», — писал он автору²⁹. Таким образом, различные критические оценки «Певцов» идут всецело в русле общественно-политических идей своего времени. «Певцы» полностью и безоговорочно принимаются революционно-демократическими кругами, но встречают возражения и вызывают недовольство в рядах славянофилов и либерального западничества.

Спор об интерпретации «Записок охотника» приобретал в 50—60-е годы весьма страстный характер. Критика, шедшая из рядов антидемократического лагеря, настойчиво стремилась оторвать Тургенева от заветов Белинского. В противовес Белинскому и Герцену, неизменно подчеркивавшим огромное общественное значение «Записок охотника» и их глубокую реалистическую правдивость («Записки охотника» — поэтически написанный обвинительный акт против крепостничества», — писал о них Герцен), антидемократическая критика выдвигала на первый план их поэтическую сторону, замалчивая их общественное значение и даже

²⁶ «Былое», № 18, П., 1922, стр. 5—19.

²⁷ П. В. Анненков, Воспоминания и критические очерки, т. II, СПб., 1879, стр. 40.

²⁸ Там же, стр. 195. Чрезвычайно характерно, что Анненков в начале 1870-х годов категорически возражал против намерения Тургенева дополнить «Записки охотника» одним из рассказов, задуманных в дальнейший период, — «Землеед». «Веселенький сюжетец «Землеед», рассказывающий происшествие, у которого нет теперь ни нравственного, ни политического смысла», — писал с возмущением Анненков, — мне, простите сединам, кажется недостойным Тургенева после всего, что он сделал». Цит. по статье М. Клевенского «Литературные советники Тургенева», «Творческий путь Тургенева», сб. статей под ред. Н. Л. Бродского, Пг., 1923, стр. 231.

²⁹ «Письма Аксаковых...», стр. 30.